

A portrait of a middle-aged man with dark hair, wearing a dark suit, white shirt, and light blue tie. He is looking directly at the camera with a neutral expression. The background is a faded image of a large, ornate building with a tall spire.

**СЕРГЕЙ
ГЛАЗЬЕВ**

**ЭКОНОМИКА
БУДУЩЕГО**

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ ШАНС?

Коллекция Изборского клуба

Сергей Глазьев

**Экономика будущего.
Есть ли у России шанс?**

«Книжный мир»

2017

Глазьев С. Ю.

Экономика будущего. Есть ли у России шанс? / С. Ю. Глазьев —
«Книжный мир», 2017 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0869-5

Новая книга академика Сергея Глазьева ставит вопрос ребром: почему при объективной возможности роста экономики с темпом не менее 8 % в год страна с избыточными золотовалютными резервами, положительным торговым сальдо, богатыми природными ресурсами и мощным промышленным потенциалом скатывается в кризисное состояние, оказываясь на периферии мировой экономики? В результате чего возникает катастрофическая для многих производственных предприятий ситуация? Виной ли тому западные санкции или решения денежных властей России рушат экономику нашей страны сильнее любых внешних обстоятельств? Впервые читатель может увидеть целостную картину формирования экономической политики как результирующей экономических интересов, которая направляется офшорной олигархией в ущерб интересам страны и влечет деградацию российской экономики, которая уже много лет является финансовым, сырьевым и интеллектуальным донором западной финансово-экономической системы. Автор проводит читателя по закулисам отечественной политэкономии, обосновывая необходимость альтернативных решений. Предлагает план опережающего развития России на основе активизации имеющегося научно-производственного и интеллектуального потенциала, усиления ее конкурентных преимуществ на перспективных направлениях роста, превращения России в новый центр мировой экономики. Впервые экономический труд читается как политический детектив. Приятного прочтения и сильных впечатлений!

ISBN 978-5-8041-0869-5

© Глазьев С. Ю., 2017

© Книжный мир, 2017

Содержание

Глоссарий	7
Предисловие	8
Введение	9
Раздел I	18
Глава 1. Идеология деградации[5]	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Глазьев

Экономика будущего.

Есть ли у России шанс?

© С.Ю. Глазьев, 2017

© Книжный мир, 2017

* * *

Выжившим, вопреки убивающей всякую производственную деятельность макроэкономической политике, и продолжающим творить, созидать и производить российским ученым, инженерам, предпринимателям и рабочим посвящается.

«Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружат зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снабдьбе уже не поможет»

Из трактата Никколо Макиавелли «Государь»¹

* * *

---

¹ Государь (итал. Il Principe; также часто встречается более близкий к оригиналу, но менее точный по смыслу перевод «Князь») – трактат флорентийского мыслителя и государственного деятеля Никколо Макиавелли, в котором описываются методология захвата власти, методы правления и умения, необходимые для идеального правителя. Первоначально книга носила название: De Principatibus (О княжествах). Трактат был написан около 1513 года, но опубликован лишь в 1532 году, через пять лет после смерти Макиавелли.

Глоссарий

ТС – Таможенный союз

ЕЭП – Единое экономическое пространство

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество

ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия

МБ – Московская биржа

ЦБ – Центральный банк

НТП – Научно-технический прогресс

Предисловие

Настоящая монография составлена как обобщение научных, публицистических и методологических работ автора по проблематике развития российской экономики за последние три года с момента появления признаков «пробуксовки» и «сползания» российской экономики с траектории устойчивого роста в депрессивное состояние. В нее вошли также некоторые ранее не публиковавшиеся материалы по вопросам преодоления нынешнего экономического кризиса.

В монографии отражена драматическая дискуссия об экономической политике государства, обострившаяся после введения США и их союзниками антироссийских санкций. Приводимые в книге суждения отражают личную позицию автора. Хотя они имеют научное обоснование и подкреплены объективными аргументами, в большинстве случаев они не совпадают ни с официальной позицией органов государственной власти, ни с реализуемой государственной политикой. Вместе с тем критика последних носит конструктивный характер и направлена на реализацию целей долгосрочной социально-экономической политики, установленных Президентом России В.В. Путиным в посланиях Федеральному Собранию, программных выступлениях и указе «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 года.

В книге много полемических фрагментов, связанных с конкретными дискуссионными вопросами, обсуждавшимися в экспертном сообществе, научных и деловых кругах, в органах государственной власти. Автор не ставил задачу «причесать» их под единую сюжетную линию, поэтому читатель увидит иногда повторяющиеся фрагменты изложения. Эти повторы подчеркивают основные мысли и аргументы автора. Внимательный читатель может их пропустить и перейти к следующим сюжетам не всегда последовательного изложения авторской позиции. За все ее изъясны я, разумеется, несу всю полноту моральной ответственности, что не мешает мне высказать искреннюю благодарность коллегам, мнение которых по поднятым в книге вопросам было для меня очень полезным, и ряд идей которых я использовал в своих разработках: Т.А. Мансурову, работавшему длительное время генеральным секретарем ЕврАзЭС и являющемуся одним из главных конструкторов евразийской интеграции; Д.А. Митяеву, который заблаговременно, пророчески предупреждал о российском финансовом крахе 1998 года и мировом финансовом кризисе 2008 года, в совместной работе с которым родились многие идеи, отраженные в книге; К.В. Малофееву, С.А. Батчикову и М.В. Лещенко, советы которых помогли лучше разобраться в ряде непростых проблем совершенствования экономической политики; Б.Ю. Титову, дискуссии с которым были весьма плодотворными; М.В. Баранову, А.Д. Голубовичу и М.Г. Миримскому, предложения которых относительно рационализации макроэкономической политики были очень полезными; А.Э. Айвазову, А.А. Акаеву, С.Н. Блинову, В.Е. Дементьеву, М.В. Ершову, Г.Б. Клейнеру, В.В. Кудрявому, И.Ю. Липушкиной, Е.А. Матченко, Я.М. Миркину, С.С. Сулакшину, В.А. Фадееву, Г.Г. Фетисову, А.И. Фурсову и А.А. Широу, исследовательские материалы которых были использованы для подкрепления авторской позиции.

Ряд материалов, содержащихся в монографии, представляют собой доклады, подготовленные автором для Изборского клуба. Не могу не выразить ему и его руководству в лице А.А. Проханова и А.А. Нагорного благодарность за доверие к моей авторской позиции и признание этих материалов в качестве докладов клуба. Без их поддержки издание настоящей монографии не состоялось бы.

Особо хочу поблагодарить своего многолетнего помощника С.П. Ткачука, без самоотверженной работы которого мне не удалось бы подготовить эту монографию в срок, рекомендованный издательством. Выражаю признательность руководителю последнего, Дмитрию Лобанову, который был инициатором создания этой книги.

Введение

Настоящая книга призвана дать читателю объективное понимание ведущейся уже много лет дискуссии о путях экономического развития России. Она включает в себя цикл недавних публикаций автора по актуальным вопросам проводимой макроэкономической политики. Показаны ее гносеологические истоки и практические мотивы, дано объяснение ее негативных с точки зрения национальных интересов результатов при чрезвычайной выгоде для ограниченного числа бенефициаров.

Каждый из публикуемых в этой книге материалов отражает определенные эпизоды борьбы за изменение экономической политики, которые включают раскрытие ее мифологии, разъяснение последствий, разоблачение проводников, обоснование разумных альтернатив. Приходится с сожалением констатировать, что приводимые в них аргументы пока не убедили принимающих решения лиц в необходимости кардинального изменения системы макроэкономического регулирования. Российская экономика искусственно втянута в кризис, оказавшись в стагфляционной ловушке благодаря действиям денежных властей, многократно усугубившим последствия введенных США и их союзниками санкций.

Во многом это объясняется результирующей сложившегося в российской властвующей элите расклада сил: крайним ослаблением позиций научного сообщества, деморализованного реформой Академии наук; забвением инженерного корпуса, большинство представителей которого потеряли работу вместе с ликвидированными в ходе приватизации промышленности отраслевыми конструкторскими бюро, научными и проектными институтами; зависимостью отечественных товаропроизводителей от крупнейших банков, руководители которых вместе с аффилированными валютно-финансовыми спекулянтами являются основными бенефициарами проводимой макроэкономической политики. Пользуясь поддержкой денежных властей, в ситуации искусственного ухудшения условий кредита они обретают господствующее положение в экономике. От их решений зависят судьбы задыхающихся от недостатка оборотных средств корпораций. Завышая процентные ставки и манипулируя условиями предоставления кредитов, они могут легко довести до банкротства своих заемщиков, присвоить их доходы и имущество. Они же принимают решения о реализации столь нужных стране инвестиционных проектов, что обеспечивает их политическое влияние. Поэтому они всеми силами поддерживают проводимую макроэкономическую политику, блокируя попытки введения валютного контроля и стратегического планирования. Отсутствие последнего позволяет им бесконтрольно распоряжаться государственными деньгами, в том числе направлять их на валютно-финансовые спекуляции, безнаказанно наживаясь на дестабилизации курса рубля и беспрепятственно вывозя сверхприбыли за рубеж. При этом, охотно поддаваясь административному давлению в режиме ручного управления экономикой, они создают иллюзию собственной незаменимости, пуще всего опасаясь введения системного подхода к управлению государственной кредитно-финансовой системой.

В отсутствие системы государственного планирования руководители аффилированных с денежными властями банков становятся главными распорядителями принадлежащих государству кредитных ресурсов и сбережений населения. Негативные последствия волюнтаристского «ручного управления» с лихвой компенсируются бюджетными вливаниями и льготным рефинансированием. Высокие зарплаты дополняются сверхприбылями, получаемыми за счет всевозможного использования монопольного положения распорядителей кредитных ресурсов – от спекуляций на валютно-финансовом рынке до присвоения активов доведенных до банкротства должников. И при этом никакой ответственности – ни за невозвращенные кредиты, ни за обанкротившиеся вследствие прекращения рефинансирования предприятия, ни за обесценившиеся много раз сбережения граждан.

Сложившаяся в России социально-экономическая модель хорошо известна современной науке и имеет свое определение – «блатной капитализм» (crony capitalism). Ее отличительные черты: господство компрадорской олигархии, эксплуатирующей национальные богатства и вывозящей сверхприбыли за рубеж; тесно связанное с ней коррумпированное высшее чиновничество, скрывающее там же свои незаконные доходы; доминирование офшорного бизнеса в наиболее прибыльных отраслях экономики; массовая бедность лишенного социальных лифтов и имущественных прав населения; пропорциональное налогообложение доходов и высокое имущественное неравенство. Такие системы являются типичными для слаборазвитых стран Азии и Африки, лишенных национального суверенитета и управляемых марионеточными правительствами, обслуживающими интересы западных транснациональных корпораций. Эти правительства могут исповедовать разную идеологию – от ультралиберальной до неофашистской. Общей для них является непререкаемость навязываемых Вашингтонскими финансовыми организациями догм рыночного фундаментализма: свобода трансграничного движения капитала, отсутствие государственного планирования и ценообразования, неограниченный доступ иностранного капитала к национальному имуществу, включая государственные активы.

Президент В.В.Путин начал политику восстановления национального суверенитета России сразу же после своего избрания в 2000 году. Реконструкция вертикали власти, отделение от нее компрадорской олигархии, пресечение регионального сепаратизма спасли страну от развала после банкротства государства в 1998 году. Однако предпринятая сразу же после дефолта попытка правительства Примакова привести экономическую политику в соответствие с общенациональными интересами осталась незавершенной. Несмотря на впечатляющие успехи в оживлении отечественного производства, объем которого всего за год после обвала вырос почти на 20 %, это правительство было отправлено Ельциным в отставку после того как Примаков попросил освободить места предварительного заключения для мошенников. Произошедшее после этого повышение цен на нефть, позволившее государству благодаря введенным по инициативе автора этих строк еще в 1992 году экспортным пошлинам многократно увеличить расходы бюджета, надолго сняло актуальность проблемы распределения национального дохода и стимулирования экономического роста.

Эпоха сверхприбылей от экспорта нефти не была использована для модернизации и развития экономики, укрепив режим «блатного капитализма». Все упомянутые выше его характерные черты не только сохранились, но и приобрели гипертрофированный характер. Воспроизводство российской экономики стало носить ярко выраженный колониально зависимый от западного капитала характер – вслед за наращиванием внешних заимствований российские корпорации перевели большую часть прав собственности за рубеж. Их доля в собственности российской промышленности превысила половину. Нерезиденты уже давно доминируют на российском финансовом рынке, манипулируя им при попустительстве госрегулятора. Российская экономика глубоко втянута в ловушку неэквивалентного обмена, ежегодно теряя более 100 млрд. долл. на оплате процентов по зарубежным займам, вывозе прибыли и капитала.

Глубокая внешняя зависимость российской торгово-финансовой системы стала причиной ее уязвимости от санкций США и их союзников. Прекращение внешних источников кредита в отсутствие внутренних механизмов долгосрочного рефинансирования банковской системы повлекло резкое ухудшение условий воспроизводства российской экономики. Как показывает сопоставление прогнозных и целевых ориентиров денежных властей, они потеряли управление макроэкономической ситуацией. С переходом Банка России к так называемому «таргетированию инфляции» последняя устремилась вверх после падения курса рубля и взвинчивания процентных ставок. Целевые показатели как по инфляции, так и по объему производства не только не были достигнуты, но стали еще более далекими от фактических.

Проводимая Банком России политика основывается на архаичных и поверхностных представлениях о взаимосвязи денежного обращения и производственной сферы. Она опирается на недостоверные примитивные модели, которые подгоняются под рекомендуемые МВФ целевые параметры денежной политики. Банк России последовательно выполняет предназначенные для усугубления последствий американских санкций рекомендации Вашингтонских международных финансовых организаций, которые для США носят противоположный характер. Она также одобряется американскими рейтинговыми агентствами и ангажированными СМИ, создающими миф о ее правильности и безальтернативности, который навязывается руководству России вопреки научным знаниям и очевидным фактам.

Нанося огромный ущерб производственной сфере, проводимая денежная политика приносит сверхприбыли привилегированным банкам, которые пользуются государственной поддержкой и наживаются на дефиците кредитных ресурсов, а также валютно-финансовым спекулянтам. На фоне сокращения производства, инвестиций и внешней торговли объем операций на Московской бирже (МБ) резко вырос, превысив в 2015 году 600 трлн. руб., что в 7 раз больше ВВП России и в 15 раз больше ее внешнеторгового оборота. Уход Банка России с валютного рынка поставил курс рубля в зависимость от спекулянтов, среди которых доминируют нерезиденты. Признаки манипуляции курсом рубля были замечены даже Минюстом США, который 1 сентября 2015 года объявил о проведении соответствующего расследования².

Имеющаяся биржевая информация позволяет характеризовать проведенную атаку на российскую валютно-финансовую систему как заранее спланированную акцию с целью дестабилизации макроэкономической ситуации. В качестве объекта атаки были избраны основные макроэкономические параметры, влияющие на деловую активность и инвестиционный климат: валютный курс, определяющий уровень потребительских цен, и процентная ставка, определяющая доступность кредита и влияющая на финансовое положение предприятий.

Атака западных спекулянтов на российский валютно-финансовый рынок была организована сразу же после введения американско-европейских санкций и закрытия внешних кредитных источников для российских заемщиков, задолжавших нерезидентам более 700 млрд. долл. Началась она с манипуляций по занижению курса акций российских эмитентов на перепродажах депозитарных расписок на Лондонской Бирже с целью создания условий для досрочного прекращения кредитных договоров с российскими заемщиками. Параллельно западные кредиторы начали вывод денег из России, создав мощное давление на снижение курса национальной валюты и сжатие денежной массы. Это повлекло сокращение возможностей рефинансирования внешних долгов компаний из рублевых источников российских банков. Последовательное повышение ключевой ставки Банком России еще более усугубило ситуацию, поставив многие предприятия и банки в преддефолтное положение. «Подлили масла в огонь» американские рейтинговые агентства, сознательно ухудшившие оценки платежеспособности российских компаний. В этой ситуации решение ЦБ о переходе к свободному плаванию курса рубля было воспринято спекулянтами как сигнал к атаке. Они лихорадочно начали скупать валюту в расчете на обрушение курса рубля, пользуясь отсутствием ЦБ на рынке и подконтрольностью им биржевых механизмов.

Вопреки общепринятым в мире методам стабилизации рынка МБ в течение всей спекулятивной атаки не предпринимала никаких стабилизирующих действий. Их имитация путем повышения гарантийного обеспечения по срочным контрактам с 5,5 % до 12 % была предпринята в 19 часов 16 декабря 2014 года, после окончания основных торгов, когда «игра уже была сделана». Внедренные на МБ процедуры кредитования спекулятивных операций позволяли увеличивать финансовые возможности брокеров на порядок. В этом же направлении действовали механизмы РЕПО Банка России, посредством которых большая часть выдаваемых

---

² URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/61856> (дата обращения – 17 марта 2016 г.)

им кредитов использовалась для финансирования валютных спекуляций. При этом Банк России участвовал в этой атаке как своим бездействием (в качестве мегарегулятора финансового рынка и контролера МБ), так и посредством перехода к плавающему курсу рубля по заранее заданному алгоритму. Есть основания полагать, что ряд должностных лиц МБ сыграли «на лапу» спекулянтам, проведя в этот день несколько технических приемов, которые позволили «переставить курс» рубля к доллару с 60 почти до 80, обеспечив принудительное закрытие позиций и сверхприбыль организаторам атаки на рубль. Они использовали ЦБ как «простейший автомат» финансового обслуживания спекулятивной атаки.

Длящиеся уже год беспрецедентные для стран со значительными валютными резервами резкие колебания курса национальной валюты были бы невозможны без попустительства со стороны Банка России. Он мог бы стабилизировать курс рубля после обвала в конце 2014-го как минимум на год, о чем свидетельствует его возврат к этому уровню в начале 2016 года. Это бы облегчило стабилизацию макроэкономической ситуации, способствовало росту валютных резервов, импортозамещению, монетизации и оживлению экономики.

Нежелание денежных властей использовать общепринятые методы стабилизации курса рубля может быть связано с коммерческой заинтересованностью в сверхприбылях от манипулирования им, величина которых за истекший год оценивается в сотни миллиардов рублей, выведенных, в основном, в офшоры. Об этом свидетельствует не только отсутствие своевременных стабилизационных мер со стороны денежных властей и Московской биржи (МБ), но и искусственно создаваемые «валютные качели» с периодическими обвалами курса после соответствующих заявлений заинтересованных лиц.

Еще одним фактором дестабилизации экономики является кампания по отзыву лицензий у коммерческих банков, жертвами которой в течение последних двух лет стали полторы сотни кредитных организаций с общей величиной активов около 1,5 трлн. руб. Их обязательства перед физическими лицами пришлось погашать за государственный счет. А значительная часть сотен миллиардов рублей обязательств перед юридическими лицами так и осталась неоплаченной, вследствие чего разорились множество малых и средних предприятий, вызвав лавину банкротств связанных взаимными обязательствами организаций в ряде регионов страны.

Во многих случаях банкротства коммерческих банков становились результатом последовательных действий регулятора по ухудшению условий их деятельности, приводящих к образованию дисбалансов, бегству вкладчиков, нарушению нормативов и отзыву лицензий. Удивительно, что кампания по отзыву лицензий у коммерческих банков получает положительную оценку денежных властей, которые должны были бы заботиться о надежности и доверии к банковской системе, сохранности сбережений граждан и накоплений предприятий. Каждый факт отзыва лицензии у коммерческого банка, по сути, является провалом в контрольно-надзорной деятельности Банка России, лицензии которого воспринимаются гражданами и деловым сообществом страны как сертификат качества и надежности кредитной организации. За эти провалы приходится расплачиваться государству, населению и добропорядочному бизнесу, теряющим свои средства.

Центральный банк (ЦБ) как регулятор и кредитор последней инстанции имеет достаточный набор инструментов для постоянного контроля деятельности коммерческих банков и своевременной нейтрализации угроз их несостоятельности. Вместо этого действия контрольно-надзорных органов ЦБ часто влекут ухудшение положения потенциально здоровых кредитных организаций и приводят к их банкротству или передаче активов заинтересованным лицам. При этом должностные лица не несут никакой ответственности за результаты своих действий, даже если их последствия оборачиваются катастрофой для многих тысяч граждан и содержат признаки рейдерства.

Политика Банка России многократно усилила действенность западных санкций, дополнив внешнее кредитно-финансовое эмбарго сокращением внутреннего кредита, а также ужесточением нормативного регулирования коммерческих банков. Ухудшение условий рефинансирования было усугублено введением нормативов Базеля 3, к которому Банк России перешел раньше других стран, имеющих куда более развитую банковскую систему. Почти одновременное введение санкций, повышение ключевой ставки и ухудшение условий кредита, ужесточение нормативного регулирования, переход к свободному плаванию курса рубля и приватизация МБ выглядят как согласованные действия по дестабилизации и обрушению российской экономики в хаос, результатом которых стало ее погружение в нынешний кризис.

Следствием проводимой макроэкономической политики уже стало увеличение числа граждан, живущих за чертой бедности, до 25 млн. человек. Ее продолжение влечет лавинообразное нарастание просроченной кредитной задолженности, банкротств предприятий и граждан, дальнейшее падение уровня жизни населения, вымывание среднего класса, доля которого снизится вдвое ниже порога социальной устойчивости, оцениваемого социологами в 30 %. При этом сверхприбыли заинтересованных в продолжении этой политики структур, получаемые путем манипулирования курсом рубля и присвоения активов разоряемых организаций, вывозятся в основном за рубеж. Посредством цепочек притворных сделок спекулянты прячут прибыли от налогообложения, демонстрируя убытки.

В настоящей монографии эти и другие актуальные вопросы экономической политики подвергаются детальному рассмотрению. Исходя из необходимости обеспечения безопасности и опережающего развития экономики России на основе нового технологического уклада, обосновываются рекомендации по их решению. Они разработаны на базе научных знаний о закономерностях современного экономического развития, понимании объективного состояния сохранившегося в России научно-производственного потенциала, его конкурентных преимуществ. Но приходится признать, что, несмотря на заинтересованность отечественных товаропроизводителей и деловых кругов в их реализации, эти предложения остаются не востребованными. Несмотря на ведущуюся против России гибридную войну, баланс интересов в российской властвующей элите не меняется. Ее наиболее влиятельная часть упорно игнорирует призывы Президента к инвестициям в развитие страны и остается в офшорах, сохраняя за рубежом свои сбережения и надеясь на сохранение статус-кво.

Проблема, однако, заключается в том, что дальнейшее сохранение нынешнего положения невозможно. С одной стороны, развернутая США гибридная война против России требует изменения макроэкономической политики с целью обеспечения ее независимости от внешних факторов. Нынешняя зависимость от них валютно-финансовой системы России создает чрезвычайную уязвимость российской экономики от американско-европейских санкций. Невозможно устоять в войне с превосходящим по мощи противником, который в любой момент может дестабилизировать макроэкономическое состояние страны. Именно это произошло после введения США и ЕС финансового эмбарго в отношении России. Но причиной этой уязвимости является внутренняя политика денежных властей.

С другой стороны, основной фронт гибридной войны – валютно-финансовый – проходит через офшорные сбережения и иностранные активы российского правящего класса, что ставит благополучие их обладателей в зависимость от произвола противника. Как показал опыт совершаемых спецслужбами США государственных переворотов во многих странах с целью установления контроля над их национальными богатствами, наличие собственности в юрисдикции стран НАТО, а также в зависимых от них офшорах является слабым местом властвующей элиты. Офшорные олигархи и коррупционеры предпочитают предательство ради спасения вывезенных за рубеж капиталов борьбе за национальные интересы и сохранение суверенитета. Особо поучителен опыт американской агрессии на Украине, властвующая элита которой почти

поголовно присягнула оккупационным властям, прикрываемым русофобствующими неонацистами.

Чтобы освободить властвующую элиту страны от конфликта интересов, который делает ее слабым местом в системе национальной безопасности, Президент России В.В.Путин последовательно проводит курс на деофшоризацию экономики, терпеливо объясняя олигархам целесообразность возвращения активов в российскую юрисдикцию. Однако, несмотря на явно нарастающие риски замораживания зарубежных счетов и активов российских собственников, последние не торопятся с их репатриацией. Это свидетельствует о том, что многие из них уже сделали свой выбор и внутренне готовы изменить Родине ради сохранения зарубежной собственности. Возможно, не все из них до конца понимают, что именно такой будет плата за легализацию своего имущественного положения в юрисдикции стран, ведущих против России гибридную войну на уничтожение. Или думают, что рассосется – российское руководство найдет компромисс с США и договорится об отмене санкций. В книге объясняется, почему не рассосется. В силу объективных закономерностей, обусловленных сменой технологических и мирохозяйственных укладов, США теряют доминирующее положение в мире. Проигрывая в геэкономической конкурентной борьбе Китаю, они стремятся улучшить свое положение путем расширения контроля над периферией своей глобальной валютно-финансовой системы, ключевым звеном которой является Россия. Американское руководство следует традиционной англосаксонской геополитике, разжигая новую войну в Европе – ведь предыдущие принесли США огромные выгоды. Ради этого они вырастили украинских нацистов и толкнули их на массовые убийства и репрессии русского населения Юго-востока Украины. Расчет делается на втягивание России в войну, которая должна противопоставить ее всему западному миру и привести к экономической катастрофе. Эта война, которая уже идет на информационном, дипломатическом и валютно-финансовом фронтах, направлена на уничтожение России. И российские обладатели иностранных активов не смогут от нее уклониться. За сохранение активов придется заплатить предательством – иначе счета будут заморожены, а имущество – реквизировано.

Компрадорская часть властвующей элиты, по-видимому, к этому готова. 2014 год дал рекордный объем вывоза капитала – около 150 млрд. долл. За ним потянулись десятки тысяч переселенцев, включая родных и близких обладателей вывезенных капиталов. Создается впечатление, что именно их интересы обслуживают российские денежные власти, упорно отказываясь вводить какие-либо ограничения на вывоз капитала и создавая благоприятные условия для валютных спекуляций.

Манипулирование курсом национальной валюты позволяет спекулянтам легко получать сверхприбыли за счет обесценения доходов и капитала всех остальных физических и юридических лиц. Поэтому во всех странах это считается тягчайшим преступлением. Только российские денежные власти этому фактически попустительствуют, не принимая общепринятых в мире мер по обеспечению стабильности курса национальной валюты. То ли ответственные за эти вопросы чиновники сами участвуют в спекулятивных играх, то ли искренне считают, что, слепо выполняя рекомендации Вашингтонских международных финансовых организаций, они способствуют процветанию России – судить читателю. В любом случае, проводя такую политику, они способствуют поражению России, экономика которой искусственно ввергнута в турбулентное состояние и загнана в stagфляционную ловушку. В таком состоянии она обрекается на нарастание хаоса, сокращение производства и уровня жизни населения.

В книге показано, что проводимая макроэкономическая политика исключает достижение поставленных Президентом целей долгосрочного социально-экономического развития и, с точки зрения объективно неизбежных и легко прогнозируемых результатов, наносит стране огромный вред, ведя ее к поражению в гибридной войне. Хотя книга называется «В поисках стратегии экономического развития России», в сущности, эта стратегия давно найдена.

На основе современной теории экономического роста, учитывающей фундаментальное значение научно-технического прогресса (НТП), периодически происходящие процессы смены технологических укладов и связанные с ними длинноволновые колебания, уже более двух десятилетий назад разработана стратегия опережающего развития российской экономики. Она исходит из анализа ее фактического состояния и сохранившегося научно-технического потенциала, включает процедуры оценки ее сравнительных преимуществ в динамике мировой экономики, выбора приоритетных направлений развития ключевых производств нового технологического уклада, становление которого происходит в настоящее время, а также предусматривает формирование механизмов их реализации путем создания соответствующих институтов развития. Она ориентирует всю систему регулирования экономики на решение задач ее модернизации и перевода на траекторию устойчивого роста на основе опережающего развития нового технологического уклада.

Все институты государственного управления – ЦБ и банковская система, правительственные ведомства, корпорации, научно-исследовательские и инженерные организации – должны работать в рамках общей системы стратегического планирования, предусматривающей сочетание частной инициативы и рыночных механизмов с одной стороны, и государственной поддержки осуществления совместно выработанных планов развития, с другой стороны. Эти планы должны разрабатываться на основе частно-государственного партнерства и предусматривать взаимную ответственность органов государственного управления и частных предприятий за достижение совместно вырабатываемых целей. В том числе, путем заключения инвестиционных контрактов, упомянутых Президентом страны в Послании Федеральному Собранию 2015 года³. По этим контрактам предприниматели могли бы брать на себя обязательства по наращиванию, модернизации и развитию производства, а государство – по обеспечению стабильных и благоприятных условий ведения бизнеса, включая предоставление долгосрочных кредитов на финансирование инвестиций для достижения совместно установленных целей.

Научные основы этой стратегии были разработаны нами еще в 80-е годы в лаборатории проблем управления научно-техническим прогрессом Центрального экономико-математического института АН СССР. Если бы она была реализована, российская экономика развивалась бы не хуже китайской. С учетом намного более высокого технического уровня советской экономики и намного более мощного научно-производственного потенциала, СССР стал бы лидером глобального экономического развития. Его распад вследствие некомпетентности партийного руководства и поражения общественного сознания когнитивным оружием «вероятного противника», который вместо атомных бомб обрушил на головы советской элиты потоки мифологических образов, закрыл эту возможность. Устремившись за химерами утопических программ быстрого перехода к рыночной экономике, возможностями сказочного обогащения за счет присвоения государственного имущества и узурпации безграничной власти после ликвидации союзных контролирующих органов, руководители Российской Федерации и большинства других постсоветских республик бездумно разрушили сложные механизмы воспроизводства единого народнохозяйственного комплекса. Это повлекло быстрый распад сложных цепочек научно-технологической кооперации производственных предприятий, научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, учебных заведений. Научно-технический потенциал подвергся быстрому разрушению, а экономика стремительно деградировала. Страну покинули миллионы высококвалифицированных специалистов, был вывезен капитал, совокупный объем которого оценивается в триллион долларов. В течение постсоветского периода несколько раз предпринимались попытки остановить тенденции распада и вернуть экономику на траекторию устойчивого роста. Первая попытка была предпринята высшим органом

---

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 3 декабря 2015 года. (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>)

власти – Верховным Советом, который в сентябре 1993 года объявил импичмент тогдашнему президенту Ельцину. Правительство отреагировало на это государственным переворотом и узурпацией власти преступной кликой стремящихся к разграблению национального богатства авантюристов, энергично поддерживаемых США и их союзниками по НАТО. Созданный в результате этого преступления криминально-олигархический режим носил откровенно компрадорский характер и был ориентирован на присвоение национального имущества узкой группой связанных с американскими спецслужбами лиц. Фактически экономика страны управлялась из Вашингтона по программам Международного валютного фонда. Разумеется, их целеполагание не имело ничего общего с задачами развития российской экономики и повышения благосостояния ее граждан. Останки некогда самого мощного в мире народнохозяйственного комплекса переваривались международным, преимущественно американско-европейским капиталом. Россия стремительно превращалась в сырьевую колонию и рынок сбыта второсортных товаров, население вымирало, компрадорская олигархия становилась офшорной аристократией. Этот режим колонизации страны в интересах мирового капитала закончился банкротством российского государства в августе 1998 года.

Вторая попытка вывода страны из штопора саморазрушения была предпринята правительством Примакова-Маслюкова-Геращенко, которому, как уже упоминалось выше, удалось быстро стабилизировать макроэкономическую ситуацию и добиться оживления производства, объем которого в промышленности рос рекордными темпами более чем на процент в месяц. Избрание президентом России В.В.Путина подкрепило эту позитивную тенденцию политической стабилизацией и прекращением распада страны. Была сформирована вертикаль власти, олигархи были от нее отделены. Однако начавшийся в тот период взлет нефтяных цен и доходов государства, которое сумело вернуть себе значительную часть природной ренты с экспортируемых углеводородов, ослабил стимулы перехода к политике развития.

Компрадорской олигархии удалось сохранить не только сверхприбыли от эксплуатации российского национального богатства, но и свой офшорный образ ведения бизнеса, сопровождающийся вывозом значительной части национального дохода за рубеж. Несмотря на избавление от бремени государственного внешнего долга и зависимости от Вашингтонских финансовых организаций, государственное регулирование экономики не изменилось и ориентировалось на обслуживание интересов мирового капитала, периферией которого стала чрезвычайно офшоризированная российская экономика. Этот рост без развития, продолжавшийся вплоть до глобального финансового кризиса, сопровождался дальнейшей деградацией российской экономики, закреплением ее сырьевой специализации и нарастающим технологическим отставанием.

Глобальный финансовый кризис 2008 года предоставил еще один шанс перехода к политике развития. Однако самодовольство российской властвующей элиты, почивавшей на нефтегазовой ренте и предававшейся наивным мечтам о привлекательности российского «острова стабильности» для международного капитала и фантазиям о переходе на инновационный путь развития одновременно с погромом академической и отраслевой науки, сыграло роковую роль. Потери российской экономики относительно ВВП оказались самыми большими из всех стран «двадцатки», а затраты на проведение антикризисных мер – самыми высокими. Стабилизация экономики осуществлялась путем субсидирования банков и корпораций, контролируемых властвующей элитой, в то время как многие предприятия разорились и свернули производство. Хуже того, денежные власти сделали из кризиса источник наживы для валютно-финансовых спекулянтов, освоив механизмы манипулирования курсом рубля в целях извлечения сверхприбылей за счет обесценения сбережений и доходов законопослушных граждан и предприятий. Шанс на перевод экономики на траекторию развития был упущен. Система ее регулирования сегодня еще более подчинена интересам обогащения властвующей элиты, по-прежнему живущей в офшорах и выкачивающей из России более сотни миллиардов долларов в год.

Происходящая четверть века деградация российской экономики неизбежно снижает ее возможности генерировать прибыли. Около половины предприятий хронически убыточны и проедают остатки основного капитала. Падение цен на нефть резко снизило объемы природной ренты. В этих условиях властвующая элита придумывает новые способы извлечения сверхприбылей, главным из которых стали валютно-финансовые спекуляции с манипулированием курса рубля. В отличие от предыдущих этапов извлечения сверхприбылей за счет присвоения государственного имущества и природной ренты, занижения оплаты труда и амортизации основных фондов, которые предполагали сохранение механизмов воспроизводства экономики, спекулятивные сверхприбыли образуются за счет их разрушения. Экономика теряет управляемость и падает в штопор самораспада. Властвующая элита этого не замечает, позволяя проводить спекулятивные манипуляции с курсом рубля и не думая о катастрофических последствиях бизнеса на дестабилизации валютно-финансовой системы.

Меры, необходимые для вывода российской экономики из хронического кризиса на траекторию опережающего развития, давно выработаны академической наукой, предложены обществу и поддержаны патриотически настроенными деловыми кругами. Их содержание подробно раскрывается в книге. Властвующая элита и ее ядро – офшорная олигархия – сопротивляются их принятию. Но проводимая Президентом страны политика восстановления национального суверенитета России в условиях ведущейся против нее гибридной войны на уничтожение не оставляет выбора. Либо эти меры будут реализованы, либо мы обречены на поражение с летальными последствиями для Русского мира.

Впрочем, у меня нет сомнения, что они будут реализованы. Чем раньше, тем лучше – меньше будет потерь и больше возможностей.

Раздел I

Назад, в Средневековье

Средние века отличались от периода современного экономического роста, начавшегося с момента первой промышленной революции в конце XVIII века, отсутствием кредита. Деньги можно было занять только у ростовщиков под сверхвысокий процент, доходивший до 50, а порой и до 100 % годовых. Очевидно, что такие кредиты нельзя использовать для расширения производства, рентабельность которого редко превышала 15 %, и тем более для финансирования инвестиций в его развитие, средняя доходность которых многие века колеблется в интервале 3–7 %, составляя в среднем около 5 %⁴. Именно изобретение государственной кредитной системы, позволившей за счет эмиссии национальных денег создать безграничный источник финансирования расширения и развития производства, позволило развиваться крупной и высокотехнологичной промышленности, открыло возможности НТП.

Разумеется, одной эмиссии кредитных ресурсов недостаточно для экономического роста. Необходимы институты, обеспечивающие трансформацию кредита в расширение производства и инвестиции, научно-технический и человеческий потенциал, способный их материализовать в инженерно-технических и организационных процессах, а также механизмы ответственности за эффективное использование и возвратность кредитных ресурсов. Но без наличия последних развитие современной экономики невозможно. Если их не хватает для поддержания расширенного воспроизводства, экономика деградирует. Если кредит становится слишком дорогим, экономика перестает развиваться.

По своей сути кредит является универсальным инструментом авансирования экономического роста. А проценты за кредит следует рассматривать как обременение экономического роста, аналогичное налогу. Только выплачиваемому не в общественных интересах, а в частных интересах банкиров. Классик теории развития экономики Й.Шумпетер метко назвал процент налогом на инновации. Чтобы его снизить, открыв возможности для развития производства, государство в передовых странах уже два столетия заботится о формировании эффективной денежно-кредитной политики, регулируя кредитную эмиссию в целях обеспечения устойчивого и эффективного экономического роста.

Упорное нежелание российских денежных властей проводить целенаправленную кредитную политику поддержания роста экономики поставило последнюю в зависимость от внешних источников кредита, что во многом предопределило ее деградацию и сырьевую специализацию, ввергло в неокOLONIALный режим эксплуатации. С прекращением внешних источников кредита вследствие американско-европейских санкций российская экономика опустилась в средневековый мир ростовщиков. Острый недостаток кредита обрекает ее на дальнейшую деградацию. При этом коммерческие банки, пользующиеся поддержкой государства, получают возможность присваивать монопольную сверхприбыль за счет завышения процентных ставок и присвоения имущества обанкротившихся заемщиков. Именно к этому ведет политика монетаристов, контролирующей уже много лет российские денежные власти. В настоящем разделе разбираются хитросплетения проводимой в России макроэкономической политики. Анализируется теория монетаризма с точки зрения ее соответствия реальности, подводятся итоги ее применения в России, раскрываются причины ее последовательного проведения. Дается прогноз последствий ее продолжения. В первой главе этого раздела анализируются ее теоретические основы, во второй – практические приложения, в последней – реальные последствия для российской экономики.

---

⁴ Т. Пикетти. Капитал в XXI веке/Перевод с франц. – 2015, 592 с.

Глава 1. Идеология деградации⁵

Почти весь постсоветский период макроэкономическая политика в Российской Федерации проводилась исходя из монетаристских рецептов, согласно которым она должна сводиться к снижению инфляции путем ограничения денежной массы в расчете на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации по оптимальному использованию имеющихся ресурсов. Монетаристы убеждены в том, что ограничение государственного вмешательства в экономику контролем над количеством денег обеспечивает стабильные макроэкономические условия для подъема свободного предпринимательства, которое на основе механизмов конкуренции обеспечивает максимально возможную эффективность⁶. Этого, с их точки зрения, достаточно для обеспечения успешного развития экономики.

Данное представление находится в разительном противоречии с общими принципами теории управления. Любой студент, знакомый с кибернетикой, знает, что избирательная способность системы управления должна соответствовать разнообразию состояний объекта управления. Сведение управления такой сложной системой как национальная экономика к одному целевому параметру – росту потребительских цен, и одному инструменту – регулированию количества денег, несовместимо с наукой об управлении. С точки зрения современного системного подхода к управлению и синергетики как ведущей парадигмы фундаментальных исследований, монетаризм больше похож на своеобразную религию, чем науку. Многие современные ученые справедливо рассматривают монетаризм как анахронизм, пережиток религиозного мировоззрения, стремящегося редуцировать все сложные явления социально-экономической реальности к простой сущности – в данном случае, к количеству денег. Они сравнивают политику монетаризма со средневековой практикой лечения всех болезней кровопусканием. Подобно современным монетаристам, сводящим все макроэкономические проблемы к избытку денег, средневековые эскулапы сводили причины всех болезней к избытку «дурной крови». Последствия их лечения, как и у монетаристов, заканчивались если не летальным исходом, то крайним ослаблением организма.

Катастрофические результаты проведения монетаристской политики в постсоциалистических странах находятся в диссонансе с настойчивостью ее последовательного продолжения в России в течение двух десятилетий. Авторы величайшей в мировой истории экономической катастрофы как ни в чем не бывало, блистают на всевозможных форумах, получают награды и звания лучших в мире министров и руководителей центральных банков и продолжают определять макроэкономическую политику с неизменно разрушительным для научно-производственного потенциала страны результатом.

Макроэкономическая политика, следствием которой является устойчивый вывоз за рубеж капитала более чем на 100 млрд. долл. в год и большей части добываемых в стране природных ресурсов при деградации обрабатывающей промышленности, сокращении численности ученых и инженеров и разрушении научно-производственного потенциала, неизменно объявляется единственно правильной и успешной. Вопреки здравому смыслу провальные результаты преподносятся как успехи, а экономические убийцы продолжают играть роли врачей, учителей и даже руководителей денежных властей⁷. Это, по-видимому, не случайно. На фоне деградации национальной экономики благосостояние проводников этой политики и

---

⁵ Опубликовано в №№ 2–3 (2015 г.) журнала «Экономическая наука современной России» под названием «Нищета и блеск российских монетаристов».

⁶ М. Фридмен. Количественная теория денег. – М.: Эльф пресс, 1996.

⁷ Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Претекст. 2005.

ее бенефициаров – придворных банкиров и финансовых спекулянтов – растет, вывоз капитала из страны монетизируется на их офшорных счетах.

По своей сути монетаризм представляет собой откровенную апологетику интересов держателей монет, которые заинтересованы в повышении их покупательной стоимости. Эта доктрина всего лишь обслуживает их интересы, навязывая государству самоограничения в управлении денежной эмиссией. Она использует наукообразную терминологию, но по своему методу сродни квазирелигиозной догматике, поскольку не приемлет сомнений, игнорирует факты и не признает эксперимент. Поэтому многие мыслители считают монетаризм современной версией ветхозаветного культа Золотого тельца, религией обожествления денег. Исходя из этого, наверное, следует и оценивать практические результаты монетаристской политики, проводившейся с 1992 года: хотя российская экономика за этот период в основном примитивизировалась и сжалась в нефтегазовую трубу, для монетаристов и бенефициаров их политики она стала уникальной «дойной коровой», из которой им удалось выжать и вывезти за рубеж около двух триллионов долларов капитала.

За это время Китай и другие страны бывшей мировой системы социализма, выбравшие путь прагматичной политики экономического роста, не обремененной теорией монетаризма, многократно увеличили свой экономический потенциал. Россия же, равно как и другие пост-социалистические государства, руководствующиеся монетаристскими представлениями, опустилась в число отсталых стран как по уровню экономического развития, так и по структуре экономики и внешней торговли. Это, однако, не помешало ей занять лидирующие позиции по приросту числа миллиардеров и инвестициям в приобретение элитной недвижимости в Лондоне, считающимся мировым центром транснациональной олигархии. Судя по объемам утечки капитала за рубеж, Россия является крупнейшим донором глобальной американоцентричной финансовой системы, поддерживая пирамиду американских обязательств за счет доходов населения и износа основных фондов.

Эти противоречия взаимосвязаны. Как заметил в свое время классик, «нет ничего практичней хорошей теории». Но, по-видимому, нет также ничего разрушительнее плохой теории, если она принимается в качестве руководства к действию. Впрочем, как говорил другой классик, если звезды зажигают – значит это кому-нибудь нужно⁸. Тем более с настоящим монетным блеском не только в глазах монетаристов, но и в карманах бенефициаров их политики. Ведь, в отличие от физики, экономическая наука волей-неволей является служанкой интересов властвующей элиты, заинтересованной в проведении соответствующей им экономической политики.

Далее обосновывается альтернативная макроэкономическая политика, основанная на научных знаниях о закономерностях развития экономики и ориентированная на общенациональные интересы устойчивого развития страны и повышение народного благосостояния.

Теоретический анализ

Как известно, монетаризм оказался востребованным столетия назад в результате критики кейнсианства, которое не смогло ни предвидеть кризис мировой капиталистической экономики в 70-е годы прошлого века, ни объяснить причины его возникновения. Последние приписали самой некейнсианской доктрине, обвинив государство в избыточном регулировании экономики. Распад мировой системы социализма стал триумфом для монетаристов, которые увидели в этом практическое подтверждение своих взглядов о вредности государственного вмешательства в экономику. Монетаристская теория была взята на вооружение МВФ и стала основой для проведения экономической политики в большинстве стран с переходной эконо-

---

⁸ В. Маяковский. Стихотворение «Послушайте». 1914 г.

микой. Ее влияние стало доминирующим в российских правящих кругах, увлеченных приватизацией государственной собственности и монетизацией присвоенного национального богатства с последующим вывозом капитала за рубеж.

Однако как кейнсианская доктрина оказалась бессильной перед кризисом 70-х, так и монетаристская теория не могла объяснить ни катастрофические результаты ее применения в России и других постсоветских республиках, ни азиатский кризис 1998 года, ни мировой финансовый кризис 2008 года. Ведущие капиталистические страны-эмитенты мировых резервных валют быстро отказались от монетаристской доктрины, принявшись вытаскивать свои экономики из кризиса прямо противоположным способом – при помощи безудержной денежной эмиссии. Вопреки монетаристской теории это не повлекло всплеска инфляции, но и вопреки кейнсианской доктрине, не обеспечило подъема экономики. Этот кризис для западной экономической науки вновь оказался аномальным. Неоклассический мейнстрим во всех своих разновидностях, включая монетаризм и кейнсианство, не смог предвидеть ни один из мировых кризисов ни в прошлом, ни в нынешнем столетии.

Чтобы понять, почему в рамках «мейнстрима» экономической мысли не удается разглядеть контуры даже ближайшего будущего, следует обратиться к фундаментальным предпосылкам лежащей в его основе неоклассической парадигмы. Она, как известно, основывается на нескольких аксиомах: представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, мотивация которых сводится к максимизации текущей прибыли; предположение, что эти экономические агенты действуют абсолютно рационально, обладают абсолютным знанием обо всех имеющихся технологических возможностях, свободно конкурируют друг с другом в институциональном вакууме. Неизменным результатом любых неоклассических интерпретаций экономического поведения хозяйствующих субъектов остается установление ситуации рыночного равновесия, которое характеризуется наиболее эффективным использованием ресурсов.

Ни одна из этих аксиом не соответствует экономической реальности, на что многократно обращали внимание многие известные ученые. Еще в 1971 году об этом говорил в своем официальном ежегодном обращении президент Американской экономической ассоциации нобелевский лауреат В.Леонтьев. В 1972-м об этом же заявил его преемник на этом посту, другой нобелевский лауреат Д.Тобин. В 1980 году о кризисе в неоклассической экономической науке заявил в таком же официальном обращении классик теории экономического роста Р.Солоу⁹. С тех пор написаны горы книг о неспособности неоклассической теории объяснять многие экономические явления в силу неадекватности ее аксиоматики реальности.

Эмпирические исследования поведения фирм на реальных рынках позволили установить, что мотивация хозяйствующих субъектов отнюдь не ограничивается стремлением к максимизации прибыли или какого-либо другого показателя экономической результативности. Был доказан факт неполной информации о рыночной конъюнктуре и технологических возможностях, доступной реальному хозяйствующему субъекту, а также раскрыто значение транзакционных издержек и других затрат, связанных с ее получением. Сомнению была подвергнута также сама возможность достижения экономического равновесия в результате решений, принимаемых реальными хозяйствующими субъектами. Но, пожалуй, главный удар пришелся на постулат о рациональности поведения хозяйствующего субъекта на рынке. В многочисленных исследованиях реального поведения фирм была установлена ограниченная способность хозяйствующих субъектов к проведению расчетов, необходимых для осуществления оптимального выбора. В разработанной еще полвека назад концепции ограниченной рациональности фирмы ориентируются не на оптимальный, а на приемлемый выбор варианта своего поведения¹⁰.

---

⁹ American Economic Association. – www.vanderbilt.edu

¹⁰ S.Herbert An Administrative Behaviour: A study of decision-making processes I administrative organizations. – Glencoe: Free

Эта критика тем не менее не помешала неоклассической парадигме вплоть до настоящего времени занимать умы политико-экономического истеблишмента. Хуже того, развитие мейнстрима экономической мысли пошло путем еще большего отгораживания от реальности с ее упрощением посредством абстрактных математизированных построений. В теории монетаризма этот процесс дошел до логического конца. В дополнение к нереалистичным аксиомам неоклассической теории рыночного равновесия, основатель монетаристской доктрины М. Фридмен ввел еще более далекие от реальной экономикой предпосылки¹¹: 1) постоянную численность населения; 2) фиксированные вкусы и предпочтения субъектов рынка; 3) фиксированный объем физических ресурсов; 4) постоянную производительность труда; 5) стабильную структуру общества; 6) свободную конкуренцию; 7) постоянность и незатратность капитальных благ; 8) капитальные блага не могут быть приобретены или проданы; 9) кредитование и заимствование запрещены; 10) разрешен только обмен услуг на деньги и денег на услуги, то есть, запрещен бартер; 11) свободное ценообразование; 12) существование только наличных денег (монет и банкнот); 13) фиксированное количество этих денег.

К анализу такой экономики Фридмен подходит, пользуясь предпосылкой, что она находится в состоянии равновесия. В рамках этих допущений Фридмен анализирует последствие дискретного увеличения номинального количества денег и приходит к выводу о пропорциональном росте цен и возобновлении состояния экономического равновесия при соответственно меньшей покупательной способности денег. Фридмен полагал, что номинальное количество денег определяется их предложением, а реальное количество денег – спросом на них, который в его модели «стационарного общества» остается неизменным. Из этого он делал вывод о том, что увеличение количества денег в обращении приводит к пропорциональному росту цен. Это влечет снижение объемов личного и общественного богатства. При этом бездоказательно полагал, что цены автоматически приходят в новое состояние равновесия в силу законов рыночной самоорганизации. И из этого он делает вывод, что главным условием денежной стабильности является ограничение объема денежной массы.

«Наиболее близкой к оптимуму политикой является, – пишет Фридмен, – доктрина постоянности денежной массы... Ближайшей целью политики может стать стабилизация цен на ресурсы. Если спросу на деньги в реальном выражении присуща та же эластичность, что и доходам, то с учетом роста населения и рабочей силы США нуждаются в увеличении денежной массы приблизительно на 1 % в год. Если же эластичность окажется выше, как это наблюдалось в последнее столетие, то рост денежной массы может идти со скоростью приблизительно 2 % в год»¹².

Этот вывод М.Фридмена находится в разительном противоречии с реальной денежной политикой всех стран-эмитентов мировых резервных валют: в последние годы они наращивают объем денежной базы с темпом на порядок больше. Разгадка этой слишком точной для неоклассической догматики рекомендации Фридмена дана Л.Лерманом, который объясняет, что ни результаты расчетов Фридмена, ни «рост населения и рабочей силы» не доказывают этот тезис. Оказывается, именно таким темпом в те годы росла добыча золота. «Америка нуждается в золотом стандарте, подобном тому, который существовал до 1933 года. С восстановлением конвертируемости доллара в золото инфляция исчезнет», – добавляет Д.Кемп¹³. «Вот чем на самом деле пользуется Фридмен и другие монетаристы для определения «оптимального» объема денежной массы в обращении. Монетаризм воспроизводит количественную теорию денег времен металлических монет», – заключают В.Найденев и А.Сменковский в своем замечатель-

press, 1960.

¹¹ М.Фридмен. Количественная теория денег. – М., 1996.

¹² М.Фридмен. Если бы деньги заговорили... – М.: Дело, 1998.

¹³ J.Kemp. An American Renaissance: A strategy for the 1980s. – N.Y.:1979.

ном по убедительности исследования¹⁴. Это позволяет им охарактеризовать монетаризм как «вульгарное перерождение классической количественной теории денег»¹⁵.

Опираясь на количественную теорию денег, монетаристы утверждают, что главным фактором инфляции является изменение денежной массы в обращении. Им кажется, что реальный объем производства непосредственно не зависит от изменения объема денежной массы, а скорее определяется существующим в экономике предложением факторов производства: количеством и производительностью рабочей силы, оборудования, земли, технологий и пр. В этом они опираются на предположение И.Фишера о «пассивности» денег («размеры торговли зависят от других факторов, а не от количества дензнаков»¹⁶), которое монетаристы вульгаризируют, игнорируя оговорки того же Фишера об условиях, допускающих положительное влияние роста денежной массы на торговлю.

Поскольку уравнение обмена И.Фишера является для монетаристов фундаментальной догмой, вникнем в его смысл. Фишер сформулировал его еще в 1911 году:

$$MV = PQ,$$

где

M – денежная масса,

V – скорость ее обращения,

P – уровень цен,

Q – количество товаров.

По сути, это уравнение является тождеством, так как одна из его переменных – скорость обращения денег – обычно определяется через другие переменные: $V=PQ/M$. При этом, с нарушением теоретической чистоты, на практике вместо количества товаров используется ВВП, а уровень цен интерпретируется как изменение потребительских цен, которое и объявляется инфляцией.

Данное тождество не поддается верификации, оно принимается как аксиома, из которой выводятся важнейшие постулаты количественной теории денег. На этом основании формулируются рекомендации в отношении макроэкономической политики, исходя из прямо пропорциональной зависимости между приростом количества денег и темпом инфляции. Так, руководивший в течение многих лет денежными властями России А. Кудрин пишет: «Согласно классическому представлению об инфляции, рост цен связан с увеличением денежного предложения при неизменной скорости обращения денег. Без увеличения денег в обращении при неизменности скорости обращения, сохранении объема выпуска товаров и услуг общий уровень цен в стране остается неизменным, как бы ни менялись цены на отдельные товары... Речь идет о том, что при заданном количестве денег в обращении рост цен на одни товары должен сопровождаться их снижением на другие. При этом общий индекс цен останется неизменным»¹⁷.

Это утверждение, кажущееся монетаристам очевидным, в действительности является ложным. Оно отражает статичное состояние экономики в абстрактных моделях рыночного равновесия с нереалистичными предпосылками, которые в реальных экономических процессах не соблюдаются. Рассмотрим типичные примеры изменения цен, происходящие в реальной экономике под влиянием НТП и злоупотреблений монополистов.

Рассмотрим случай повышения цен монополистами при неизменном предложении товара (услуги). По-прежнему будем считать неизменными условия функционирования других товарных рынков, стабильность институтов, определяющих скорость обращения денег и

¹⁴ В.Найденов, А.Сменковский. Инфляция и монетаризм. Уроки антикризисной политики. – Киев, 2003.

¹⁵ Там же.

¹⁶ И.Фишер. Покупательная сила денег. – М.: НКФ СССР, 1926.

¹⁷ А. Кудрин. Инфляция: российские и мировые тенденции. // Вопросы экономики. – № 10, 2007.

их объем, а также величину заработной платы, выплачиваемой работникам при производстве товаров данной группы. Предположим, что получаемую сверхприбыль монополист, к примеру, направляет за рубеж, выводя соответствующую сумму денег из обращения. Тогда вследствие повышения цены либо сократится предложение соответствующих товаров (если спрос на них эластичен по цене), либо потребителям придется платить больше. В первом случае будет наблюдаться повышение цен при снижении объема товаров при неизменной величине денежной массы; во втором – потребители будут вынуждены уменьшить спрос на другие товары. Если их производство неэластично по цене (частный случай таких услуг, как тепло или электроэнергия, вырабатываемая при минимально допустимой нагрузке на генерацию), то произойдет соответствующее снижение цен, что отвечает приведенному утверждению А. Кудрина. Если же оно эластично (общий случай), то равновесие будет достигнуто при большем уровне цен и меньшем объеме производства товаров.

Иными словами, утверждение Кудрина отражает частный случай сверхмонопольного производства жизненно важных благ. Любопытно, что в концепции Фридмена с предпосылкой свободной конкуренции этот случай не имеет права на существование. В общем же случае утверждение Кудрина не выдерживает критики.

Данный пример отражает типичную для российской экономики ситуацию последовательного повышения тарифов на природный газ, электроэнергию и тепло, рост которых опережает инфляцию. Монополии в этих сферах ежегодно накапливают сверхприбыль, которая может направляться на инвестиции внутри страны или за рубеж. В последнем случае происходит рост цен при снижающемся объеме денежного предложения (при условии привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты Центральным банком, как это и происходит в России). Именно такая картина наблюдалась в первой половине 1990-х годов: цены росли на фоне сжимающейся денежной массы при вывозе получаемой монополистами сверхприбыли за рубеж.

Охарактеризованный эффект повышения цен монополией следует дополнить эффектом снижения спроса на другие товары, так как потребители монополично поставляемого товара вынуждены экономить на их приобретении. Этот эффект делится на снижение цены и объема предложения этих товаров и зависит от эластичности спроса и предложения по цене на них. Причем влияние снижения цен на данные товары может сбалансировать эффект повышения цен монополией только в случае неэластичности предложения соответствующих товаров по цене. Это возможно, например, если потребители, сталкиваясь с повышением тарифов на газ и электроэнергию, снижают платежи за воду и тепло, от поставки которых невозможно отказаться. Они могут также переключиться с платных медицинских или образовательных услуг на бесплатные. Но снижение платежей населения ниже уровня самокупаемости производства соответствующих товаров придется компенсировать государственными субсидиями, которые в этом случае на цены не влияют, а лишь следуют за снижением спроса.

В общем случае в негосударственном секторе экономики повышение цен монополистами не будет компенсировано снижением цен продавцами других товаров, которые сократят их предложение. Именно так реагировали российские товаропроизводители на уменьшение совокупного спроса в первой половине 1990-х годов. Это поведение отвечает закономерностям функционирования промышленных систем с длинными цепочками технологической кооперации¹⁸.

Изготовитель конечной продукции не может произвольно снижать цены, так как издержки производства определяются расходами на приобретение комплектующих у смежных предприятий, которые, в свою очередь, получают комплектующие у своих смежников.

---

¹⁸ Джон Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Перевод на русский язык: Л.Я. Розовский, Ю.Б. Кочеврин, Б.П. Лихачев, С.Л. Батасов. – М.: 2004.

При производстве современной высокотехнологичной продукции общее число участвующих в технологической кооперации предприятий может достигать нескольких тысяч. В этой ситуации производитель конечной продукции ограничен в возможностях изменения ее цены величиной ожидаемой прибыли. К примеру, общим для любой технологической цепочки издержкообразующим товаром является электроэнергия. Повышение тарифа на нее вынуждает всех участников производственно-технологической кооперации поднять цены на свою продукцию. Поэтому производители сложных изделий реагируют на снижение спроса на них соответствующим сокращением предложения товаров, а не снижением их цены. Об этом еще 40 лет назад писал Гэлбрейт¹⁹ и многие другие серьезные экономисты, проигнорированные одержимыми верой в товарную природу денег монетаристами.

Рассмотрим другой пример. Предположим, что вследствие внедрения новой техники снижаются издержки производства некоторой группы товаров (услуг). При этом остаются неизменными институты денежного обращения, определяющие его скорость, и величина денежной массы. Предположим также, что при производстве рассматриваемой группы товаров заработная плата работников не меняется, а эффект от внедрения новой техники делится на снижение цены выпускаемой продукции и сверхприбыль, направляемую на дополнительное совершенствование технологии. Последнее вызовет дальнейшее снижение цены, которое может сопровождаться (или не сопровождаться) увеличением сбыта товаров (услуг) данной группы. В первом случае мы имеем одновременное снижение цен и повышение объема производства товаров при неизменном количестве денег и скорости их обращения. Во втором случае (когда спрос на данный товар неэластичен по цене) у потребителей возникает экономия денег. Если они их сберегают, то мы вновь имеем снижение цен при неизменности всех остальных переменных монетаристского тождества. И только если они тратят эти сэкономленные деньги на приобретение иных товаров, предложение которых неэластично по цене, справедливо утверждение, приведенное в статье А. Кудрина. На такие товары цены теоретически могут подняться пропорционально снижению цен на инновационную продукцию, если, конечно, это позволят сделать антимонопольные органы. Если же предложение дополнительных товаров эластично по цене, то их производство увеличится при некотором повышении цен на них в условиях неизменного количества денег и скорости их обращения.

Для упрощения модели предположим, что новатор не приобретает новой техники, а сам ее изготавливает и совершенствует. Так делают многие производители современного оборудования и программного продукта. Тогда исключается эффект повышения цены на новую технику с ростом спроса на нее. В действительности во многих случаях, типичных для современной экономики знаний, наблюдается обратная ситуация – с расширением масштаба использования новой технологии издержки ее производства быстро снижаются (вплоть до нуля, как при тиражировании программных продуктов) при уменьшающемся объеме инвестиций в расчете на единицу эффекта. Это позволяет новатору выбрать стратегию максимизации рынка сбыта своих товаров, направляя весь получаемый эффект на снижение цены.

Данный пример наглядно иллюстрирует возможность снижения инфляции под влиянием НТП. При этом небольшой прирост денежного предложения, идущий на освоение новой техники, дает нарастающий антиинфляционный эффект, сопровождающийся расширением производства и сбыта соответствующих товаров. Именно этим объясняются типичные для динамично развивающихся стран случаи быстрого роста денежной массы при стабильных и даже снижающихся ценах. Например, в Китае в период бурного экономического подъема второй половины 1990-х годов цены снижались на фоне роста денежной массы на 17–40 % в год²⁰.

---

¹⁹ Там же.

²⁰ Обучение рынку / Под ред. С.Глазьева. М.: Экономика, 2004.

Как следует из приведенных примеров, утверждение, сформулированное в статье А. Кудрина, несмотря на кажущуюся монетаристам очевидность, в действительности соблюдается только в частных и довольно экзотических случаях, предполагающих неэластичность спроса и предложения товаров по цене, а также отсутствие НТП и инноваций. Курьезность утверждений Кудрина заключается в том, что эти случаи с точки зрения монетарной теории, постулирующей свободное ценообразование и конкуренцию, не должны существовать. Иными словами, следуя монетаристским догмам, мы опровергли саму эту теорию: в общем случае она неверна, а частности она сама же и отрицает. Наши же примеры отражают типичные ситуации в современной экономике.

Так, под воздействием новых знаний цена единицы полезного свойства товара (услуги) может быстро многократно снижаться вне связи с изменениями параметров денежного обращения, не оказывая заметного влияния на цены технологически не связанных с ним иных товаров. Например, стоимость вычислительной операции в период становления современного технологического уклада в 1960–1985 гг. снизилась в 10 тыс. раз. В период его интенсивного развития в 1974–1992 гг. стоимость единицы полезного эффекта вычислительной техники снизилась в 20 раз, что сопровождалось быстрым расширением спроса на нее и соответствующим увеличением предложения. Другой пример: внедрение технологии использования стволовых клеток в медицине делает ненужным проведение ряда дорогостоящих хирургических операций. Здесь снижается цена услуги без увеличения объема предложения (если, конечно, все нуждающиеся в лечении ранее получали возможность проведения хирургической операции). Своевременная вакцинация населения позволяет резко уменьшить заболеваемость, что сокращает спрос на лекарства и медицинские услуги, – пример одновременного снижения цен и объемов предложения товаров.

Нетипичным в приведенных нами выше примерах является предположение о замораживании сверхприбыли новаторами и монополистами. В действительности они, конечно, направляют эти средства либо на инвестиции, либо на потребление. Если мы рассматриваем пример с новатором, то в первом случае продолжается снижение цен при увеличении спроса на инвестиционное оборудование, которое может привести к некоторому повышению цен на него. Утверждение А. Кудрина окажется верным, только если это повышение будет равно снижению цен на рассматриваемые товары благодаря применению данного оборудования. Здесь предполагаются монопольное положение продавца и его полная осведомленность об эффекте применения этого оборудования у конкретного потребителя. Первое из этих условий не допускает монетарная теория, а второе не соответствует реальности. Кроме того, подобное поведение продавца возможно только в отсутствие антимонопольного законодательства. Вновь монетарная теория ставит своих апологетов в конфузное положение.

В наших иллюстративных примерах реальный эффект снижения цен на товары намного превышает гипотетическое повышение цен на оборудование. Если новатор направляет сверхприбыль на потребление, то утверждение А. Кудрина будет справедливым, только когда это вызовет повышение цен на предметы потребления, равное снижению цен на остальные товары. Если сверхприбыль направляется на сбережения, это приведет к увеличению кредита (при условии, что сбереженная прибыль не вывозится за рубеж); в результате несколько увеличится спрос на товары, приобретаемые его получателями. Тогда зависимость между изменением цен на разные товары окажется более сложной, хотя она по-прежнему будет определяться эластичностью их спроса и предложения по цене. Если же сберегаемая сверхприбыль вывозится за рубеж и при этом валюта приобретает у ЦБ при неизменном обменном курсе, то количество денег сокращается. В примере с новатором в этом случае будут происходить снижение цен и рост предложения товаров при сокращении объема денег в экономике.

Таким образом, вопреки мнению монетаристов цены могут расти и снижаться при неизменности всех остальных переменных, включая объем денежной массы. При этом может про-

исходить как увеличение, так и уменьшение предложения товаров в зависимости от содержания происходящих в экономике процессов. Внедрение новых технологий влечет за собой снижение цен, в то время как злоупотребления монополистов вызывают их повышение. Изменения в ценах на товары одной группы вовсе не обязательно должны компенсироваться противоположным изменением цен на товары других групп. Более того, можно утверждать, что такого рода компенсация возможна только в экзотических случаях неэластичности спроса и предложения товаров по цене, которым соответствует сугубо умозрительная ситуация, к тому же не вписывающаяся в аксиоматику Фридена.

Следовательно, монетаристское тождество отражает статичную ситуацию, которая теоретически может воспроизводиться как некоторое состояние рыночного равновесия в абстрактной математической модели. При внесении в нее зависимостей, отражающих реальные экономические процессы, переменные данного тождества могут изменяться независимо друг от друга. В реальности экономика никогда не воспроизводит состояния равновесия; в каждый момент времени она переходит в новое состояние со своими значениями переменных монетаристского тождества. Это обуславливает бессмысленность каких-либо его интерпретаций в целях выработки практических рекомендаций.

Сталкиваясь с проблемами практического применения количественной теории денег, монетаристы обычно «сваливают» все необъяснимые факторы на скорость их обращения. Нет сомнений, что приведенные выше примеры они попытаются опровергнуть путем теоретических спекуляций относительно изменения скорости обращения денег. Но, во-первых, для этого надо научиться ее измерять. Деление ВВП на объем денежной массы не может считаться корректным способом определения скорости обращения денег в силу известной условности самого показателя ВВП, отражающего лишь уровень коммерческой активности.

Во-вторых, перераспределение спроса между различными сегментами рынка будет оказывать разнонаправленное влияние на скорость обращения денег, результирующую которого тоже нужно научиться измерять в конкретных ситуациях. Так, если получаемую в вышеприведенных примерах сверхприбыль новаторы или монополисты будут тратить на спекулятивные операции, то скорость обращения денег будет увеличиваться, а если на строительство новых заводов – то уменьшаться.

В-третьих, переток денег между различными сегментами рынка происходит по различным каналам денежного обращения, каждому из которых свойственна своя скорость. В зависимости от того, какие из них будут использованы обладателями сверхприбыли, будет меняться и скорость обращения денег. Если они будут хранить свои средства на долгосрочных депозитах или направят их в пенсионные или страховые фонды, скорость обращения денег будет существенно меньше, чем в случае их хранения на текущих счетах²¹.

Несоответствие количественной теории денег реальности, игнорирование ею ведущего фактора экономического роста – НТП также, как и обратных связей между денежным предложением и ростом производства, влечет бессмысленность всех практических выводов и рекомендаций этой теории, включая излюбленные монетаристами догмы, сформулированные Д.Фриденом и другими экономистами-представителями «чикагской школы» (Ф.Найтом, Дж. Стиглером, Дж. Вайнером, Г.Саймонсом, Ф.Кейгеном, А.Голдменом) в конце 50-х гг.: а) саморегуляция рынка; б) свободная конкуренция; в) источники трудностей и кризисов – внешние факторы и вмешательство государства в экономику, поэтому необходимо ограничить до минимума регулируемую роль государства; г) главным механизмом экономического регулирования является денежно-кредитная политика; д) важной составляющей макроэкономической поли-

---

²¹ С.Глазьев. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. – 2008. – № 7.

тики должно быть ограничение заработной платы, так как именно она оказывает решающее влияние на цены.

Последний принцип был сформулирован в 1959 году Д.Хиксом, который в условиях отказа от золотого стандарта денег и утраты ими товарной основы привязал рыночное равновесие к динамике доходов, главной составляющей которой является зарплата. На этом основании он сформулировал принцип инфляционной спирали, связав инфляцию с ростом зарплаты. Этот принцип нашел эмпирическое подтверждение в исследованиях А.Филлипса, который еще в 1958 году выявил обратную связь между уровнем безработицы и темпом роста заработной платы. Предполагая наличие прямой зависимости инфляции от роста заработной платы, можно вывести обратную зависимость инфляции и уровня безработицы – «кривую Филлипса». В современной кривой Филлипса темпы прироста номинальной заработной платы заменены на темпы инфляции. Эта разница, по мнению монетаристов, не имеет принципиального значения, так как «увеличение заработной платы и рост цен тесно связаны друг с другом. В периоды быстрого подъема заработной платы быстро растут и цены»²².

Как отмечает В.Найденов и А.Сменковский, если согласиться с фактическим существованием закономерности, описанной «кривой Филлипса», то возникает интересный парадокс. А.Оукен вывел зависимость между безработицей и производством, которая гласит, что на каждые 2 % падения валового национального продукта (ВВП) ниже потенциального ВВП уровень безработицы возрастает на 1 %. Поскольку эта закономерность, как прямого, так и обратного действия, объем производства можно рассматривать как обратную функцию от уровня безработицы. Если совместить эффекты Филлипса и Оукена, окажется, что между инфляцией и производством существует прямая зависимость. К примеру, как считают некоторые монетаристы, для сокращения инфляции на 1 % необходимо пожертвовать 5 % годового ВВП, или 2,5 % занятости²³. Поэтому монетаристы всегда готовы к катастрофическим результатам внедрения своих рекомендаций. Г.Мэнкью называл глубокий спад производства вследствие сокращения инфляции «шоковой терапией».

Так монетаристы находят псевдонаучные объяснения катастрофических результатов применения их рекомендаций на практике. Вызываемый сжатием денежной массы спад производства и рост безработицы интерпретируются ими как закономерная плата за снижение инфляции. В действительности, однако, последнего при сокращении денежной массы, как правило, не происходит. Сжатие денежной массы порождает стагфляцию – одновременное снижение производства и инвестиций при росте инфляции и безработицы. Многочисленные исследования так и не выявили статистически значимой зависимости между приростом денежной массы и инфляции – как в постсоциалистических, так и в развитых капиталистических экономиках. Зато четко прослеживается устойчивая статистически достоверно подтверждаемая связь между сокращением объема денежной массы, с одной стороны, и падением производства и инвестиций, с другой стороны²⁴.

Попутно заметим, что часто фигурирующая в экономических учебниках кривая Филлипса, до сих пор используемая в математических моделях товарно-денежного обмена МВФ, да и Банка России, не подтверждается с 70-х годов прошлого века. И даже за весь послевоенный период, как показали исследования Макконнелла и Брю, эта гипотеза не выдерживает проверки регрессионным анализом макроэкономических показателей США²⁵.

Как справедливо замечают В.Найденов и А.Сменковский, монетаризм и другие теории сводят анализ состояния экономики к количеству денег. В отличие от физиократов и марк-

---

²² Н.Грегори Мэнкью. Макроэкономика. М.: Издательство Московского Университета, 1994.

²³ Г.Мэнкью. Макроэкономика. – М.: Из-во Московского университета, 1994.

²⁴ Обучение рынку / Под ред. С.Глазьева. М.Экономика, 2004.

²⁵ К.Макконнелл, С.Брю. Экономикс: принципы проблемы и политика. – М.: Республика, 1992.

систов они вообще не рассматривают производство как самостоятельную составляющую экономики (например, Фишер использовал термин «торговля», а не «производство»). Видимо, поэтому они до сих пор не склонны замечать резкое падение производства в результате проводимой ими политики. Эти теории считали единственно эффективным и возможным рыночное саморегулирование и потому оказались бессильными во время Великой депрессии 1929–1933 гг.

Заметим, что они оказались бессильными объяснить и предвидеть последующие структурные кризисы мировой экономики: в середине 70-х годов прошлого века, а также начавшийся в 2008 году современный «финансовый» кризис. Соответственно, контрпродуктивными оказались и их рекомендации по преодолению этих кризисов, которое происходило на основе мер структурной, промышленной и научно-технической политики, не вписывающихся в неоклассическую парадигму.

Практический опыт

Существует хорошо заметная отрицательная зависимость между применением монетаристской теории и темпами экономического роста. Экономика стран, применяющих рекомендации МВФ, растет в среднем вдвое медленнее, чем остальных²⁶. Заметим, что развитые страны никогда не применяли и не применяют рекомендаций МВФ, относясь к нему как к инструменту их общей неокOLONиальной политики по отношению к зависимым странам. Неслучайно в правительстве США МВФ курирует зам. казначея (министра финансов), отвечающий за взаимоотношения с иностранными государствами. Советы МВФ предназначены для них. Этот двойной стандарт существовал всегда и много раз приводил к масштабным кризисам в развивающихся странах. Применение рекомендаций МВФ ориентировано на обслуживание интересов американского капитала, связанного с ФРС США, эмитирующей мировые деньги.

Наглядным позитивным примером отказа от догм неоклассической доктрины стала политика Л.Эрхарда, автора западногерманского экономического чуда после войны. В отношении рекомендаций монетаристов он писал: «Валюта приобретает примат перед экономикой, которым она никоим образом не владеет. Нашей первой и единственной заботой должно быть экономическое благосостояние, а валютно-технические меры оправданы только тогда, когда они безусловно служат достижению этой цели. Валюта не является чем-то, что стоит на одной ступени с экономикой, она является одним из ее вспомогательных механизмов»²⁷. Он считал необходимым расширение кредита для роста производства в ситуации неполного использования имеющихся производственных мощностей. При этом он понимал границы этого расширения: «Между инфляцией и объемом денег, которые находятся в обращении, нет никакой причинной связи, инфляция порождается только тем, что в среднесрочном плане или непосредственно могут возникать доходы от деятельности, которая не приносит реальной пользы экономике»²⁸.

Еще более четко взаимосвязь между денежным предложением и динамикой производства охарактеризовал Д.Кейнс: «Если имеет место неполная занятость факторов производства, степень их использования будет изменяться в той же пропорции, что и количество денег; если же имеет место их полная занятость, то цены будут изменяться в той же пропорции, что и количество денег»²⁹.

---

²⁶ Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Под ред. В.Якунина, С.Сулакшина, И.Орлова. Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

²⁷ Л.Эрхард. Полвека размышлений. – М.: Руссико-Ордынка, 1993.

²⁸ Там же.

²⁹ Дж. Кейнс. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993.

Из этого, в частности следует, абсурдность проводимой в настоящее время политики Банка России по сокращению денежной массы в реальном выражении в условиях, когда загруженность производственных мощностей составляет в промышленности около 60 %. При этом, вопреки очевидным фактам, Банк России утверждает, что «загрузка производственных мощностей в обрабатывающей промышленности оставалась на высоком уровне. Кроме того, сохранялось действие инфраструктурных и институциональных ограничений. Все это сдерживает темпы роста потенциального ВВП и указывает на ограниченные возможности безинфляционного наращивания производства, если не произойдет его модернизации, а также повышения производительности труда»³⁰.

Это противоречащее официальной статистике утверждение обосновывается экономико-математическими построениями, использующими простую экстраполяцию наблюдаемых показателей, кривую Филлипса, производственные функции и другие искусственно сконструированные зависимости, традиционно используемые монетаристами вопреки их несоответствию реальным взаимосвязям между динамикой производства и денежным предложением. Создается впечатление, что имеющийся в распоряжении Банка России незамысловатый экономико-математический инструментальный попросту подгоняется под монетаристские догмы.

Первая и самая важная из них, выражается в сведении всего разнообразия целей макроэкономической политики к снижению инфляции. Она исходит из постулата, который не подтверждается статистическими исследованиями и, впрочем, не встречается ни в работах Фридмана, ни в работах других известных теоретиков монетаризма, но считается аксиомой для МВФ – чем ниже инфляция, тем выше возможный темп роста производства, и наоборот.

Между тем, считающийся классиком современной экономической теории П.Самуэльсон утверждал: «Будет ли кто-то беспокоиться об инфляции? Будет ли эффективность использованных ресурсов или реального ВВП немного высшей или низшей? Ответ на оба вопроса таков: нет. Инфляция, которая является и сбалансированной, и предусмотренной, не оказывает влияния на реальный объем производства, эффективность или распределение дохода»³¹. Позже В.Полтерович на многочисленных примерах убедительно показал, что умеренная инфляция (до 20 % в год) не является препятствием для экономического роста³². В то же время, как показано³³, инфляция свыше 40 % негативно влияет на экономический рост. Прояснить взаимосвязь между инфляцией и экономическим ростом позволили исследования под руководством Р.Нижегородцева³⁴, выполненные на статистике более 30 стран. Результат обобщения полученных моделей позволяет определить для большинства стран предельно допустимый уровень инфляции, не превышая которого, можно поддерживать устойчивое возрастание темпов роста ВВП. При этом, как замечают авторы, разумные, допустимые пределы изменения ключевых макроэкономических параметров должны быть разными для различных стран, их значения должны определяться конкретными, индивидуальными траекториями экономической динамики.

Вторая догма: как и Фридмен, российские монетаристы убеждены, что инфляция всегда и всюду представляет собой денежный феномен, и бороться с ней нужно лишь ограниченными средствами денежно-кредитной политики. Между тем, еще столетия назад даже

³⁰ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 г. и период 2016 и 2017 годов. // Вестник Банка России, № 106 (1584) от 1.12.2014.

³¹ П.Самуэльсон, В.Нордгауз. Макроэкономика. – К.: Основы, 1995.

³² В.Полтерович. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика. // Вопросы экономики. – № 6, 2007.

³³ В.Найденов, А.Сменковский. Инфляция и монетаризм. Уроки антикризисной политики. – Киев.

³⁴ Р.Нижегородцев, Н.Горидько, И.Шкодина. Институциональные основы теории финансов: современные подходы. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 220 с. – (Научная мысль).

в моделях монетаристов (в частности, у Л.Харриса и Ф.Кейгена)³⁵ была установлена возможность инфляции без соответствующего увеличения денежной массы. Выше несостоятельность этой догмы была наглядно показана на типичных примерах поведения хозяйствующих субъектов в современной экономике. Оторванные от реальности монетаристы в своих умозрительных построениях не видят ни производственной сферы, ни НТП. Поэтому они никак не могут понять, что основным фактором инфляции в реальной экономике большинства стран, как и в России, является ценовая политика монополистов. А главным фактором снижения инфляции является банальное снижение издержек и улучшение потребительских качеств товара. И то, и другое определяется научно-техническим прогрессом. А он, в свою очередь, зависит от кредитования инвестиционной и инновационной активности.

Проведенный на обширном статистическом материале анализ отношения объема денежной массы к ВВП развеивает всякие иллюзии относительно необходимости ограничения денежной массы для успешного осуществления макроэкономической стабилизации. Лидерами по данному показателю являлись Япония и Китай, где объем М2 превышает уровень ВВП в 1,5–2 раза³⁶, где денежная масса в периоды экономического подъема росла на 2040 % в год, сопровождаясь дефляцией.

Исследования, проведенные экспертами Всемирного банка, также опровергли данную догму, показав наличие вполне определенной обратной корреляции между количеством денег в обращении (денежная масса в процентном отношении к ВВП) и уровнем инфляции: чем меньше денег в обращении, тем выше, судя по межстрановым сопоставлениям, темпы инфляции³⁷. Этот факт, противоречащий привычным монетаристским представлениям, объясняется следующим образом.

В логике реальных взаимоотношений между предприятиями ограничительная денежная политика, ориентированная на сокращение денежной базы, влечет за собой не столько сокращение объема денежной массы, сколько ухудшение ее качества. Нехватка денег компенсируется взаимосвязанными производственной кооперацией предприятиями эмиссией денежных суррогатов – различных долговых обязательств, которые смягчают кризис неплатежей. В России, например, в середине 90-х годов совокупный объем «квазиденег» в обращении достигал, по некоторым оценкам, половины всего объема денежной массы, а в отдельных отраслях составлял 80–90 % совокупного объема операций российских предприятий³⁸. Замена денег суррогатами не позволяет обеспечивать полноценное финансирование воспроизводства и инвестиций, следствием чего становится углубление экономического спада. Это, наряду с увеличением рисков неплатежей, влечет повышение инфляции.

В книге «Политическое измерение мировых финансовых кризисов»³⁹ убедительно показана отрицательная обратная связь между инфляцией и уровнем монетизации экономики – чем выше насыщенность экономики деньгами, тем ниже уровень инфляции и наоборот. Не только постсоветские государства, но и европейские страны, проводившие наиболее резкое ограничение количества денег в обращении (Болгария и Румыния), испытали и наибольшие проблемы как с инфляцией, так и с преодолением спада производства. Многие из этих стран затем прибегали к расширению денежной эмиссии для стимулирования роста экономики вопреки монетаристским догмам финансовой стабилизации.

---

³⁵ Л.Харрис. Денежная теория. – М.: Прогресс. 1990.

³⁶ С.Глазьев. Обучение рынку. – М.: Экономика. 2004.

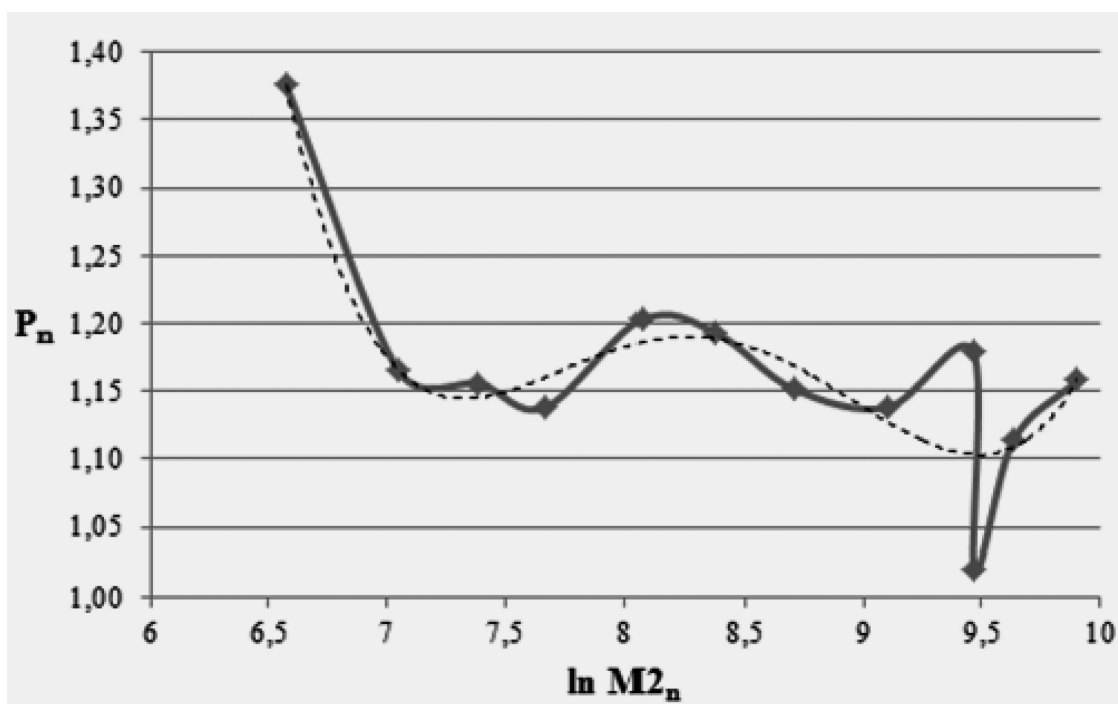
³⁷ См.: Бугалин А.В., Колганов А.И. Введение в компаративистику (Исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам). – М., 1997. С. 203.

³⁸ См.: Яковлев А., Глисин Ф. Альтернативные формы расчетов в народном хозяйстве и возможности их анализа методами субъективной статистики // Вопросы статистики. 1996. № 9. С. 21–31.

³⁹ Политическое измерение мировых финансовых кризисов. / Под ред. В.Якунина, С.Сулакшина, И.Орлова.

Последние исследования Р.Нижегородцева и Н.Горидько⁴⁰ выявили U-образную взаимосвязь между денежной массой и инфляцией. На основе эмпирических данных по многим странам они установили однозначное подтверждение реальностями развития современных хозяйственных систем того факта, что избыток и нехватка денежной массы одинаково опасны для стабильности денежного обращения. Они в равной степени препятствуют эффективному управлению инфляционными процессами. Иначе говоря, стабилизация денежных рынков требует, чтобы объем денежной массы был не слишком мал, и не слишком велик, поскольку и в том и в другом случае неизбежно нарастание инфляции. Темп инфляции должен быть минимален при некотором среднем, умеренном количестве денег в обращении.

Таким образом, связь между темпами инфляции и объемом денежной массы является нелинейной. Представления о нелинейном характере взаимосвязей в современных экономических системах наконец начинают распространяться и на монетарную сферу, которая до недавнего времени была в известной мере изолирована от исследований в области нелинейной динамики. Этот вывод в полной мере распространяется на Россию. Для российской экономики, как и для других стран мира, характерны периоды, в которые усилиями Центробанка и правительства по борьбе с инфляцией сжимается объем денежной массы. Это приводит к дефициту ликвидности, что, в свою очередь, обуславливает рост коммерческой учетной ставки, выражающей цену денег. В результате темп инфляции не снижается, а растет. Дополнительная эмиссия денежных средств позволяет преодолеть дефицит ликвидности в экономике, учетная ставка падает, и вместе с ней снижаются темпы инфляции. Таким образом, мы получаем кривую, подобную той, которая изображена на рис. 1.

Рис. 1. Зависимость темпов инфляции от логарифма объема денежной массы (Источник: Р.Нижегородцев, Н.Горидько)

Наконец, третья догма и итоговый вывод монетарной теории сводится к возражению против любого вмешательства государства в экономическую деятельность, поскольку это, по

⁴⁰ Р.Нижегородцев, Н.Горидько. Критика формулы Ирвинга Фишера и иллюзии современной монетарной политики. – материал к обсуждению на научном семинаре кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления ФГУ МГУ, 2016.

убеждению Фридмена, угрожает консенсусу в области распределения доходов, который служит моральной основой свободного общества. Это, однако, не мешает монетаристам предлагать «политику доходов» для сдерживания роста заработной платы и обеспечения таким образом, как им кажется, низкого уровня инфляции. Результатом этой политики в России стало многократное падение реальной зарплаты и, привязанных к ее уровню пенсий и социальных выплат, что по сути означало геноцид населения, численность которого относительно потенциального уровня при нормальных условиях воспроизводства сократилась в 90-е годы на 12 млн. чел⁴¹. Эта догма дополняется рекомендациями по сокращению бюджетных расходов и отказу от кредитования бюджетного дефицита. Последний, по мнению монетаристов, должен финансироваться исключительно из неэмиссионных источников: внутренних и внешних займов, размещаемых на финансовых рынках.

Заметим, что в США, ЕС и Японии, наоборот, дефицит бюджета покрывается как раз за счет денежной эмиссии под долговые обязательства государства. Более того, на последние приходится основная часть обеспечения этих мировых валют. По сути, это означает, что монетаристы пытаются запретить другим странам эмитировать свои валюты для собственных нужд, чтобы заставить их финансировать долговые обязательства США и других эмитентов мировых резервных валют. Именно к этому, по сути, сводится финансирование дефицита бюджета за счет внешних займов, гарантом погашения которых являются валютные резервы стран-заемщиков. Если же внутренние займы не поддерживаются соответствующим объемом денежной эмиссии, то финансирование дефицита бюджета происходит за счет сокращения инвестиций, что автоматически влечет замедление экономического роста. Получается, что монетаристы своими рекомендациями вынуждают национальные денежные власти обслуживать дефицит бюджета и кредитовать экономику стран-эмитентов мировых валют, которые проводят прямо противоположную их рекомендациям политику безграничной денежной эмиссии.

Из сказанного выше следует, что придуманная полвека назад в США монетаристская теория применяется исключительно для внешнего потребления зависимыми странами. Выражаясь современным языком, она применяется денежными властями США в качестве когнитивного оружия, поражающего сознание элиты туземных стран в целях навязывания им нужной американскому капиталу макроэкономической политики.

---

⁴¹ С.Глазьев. Геноцид. – М.: Терра, 1998.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.